

Осмоловский: "Всю энергию надо направлять на собственное воспитание. Остальные подтянутся"

19 февраля 2010, Анастасия Алексеева специально для Левого берега

Выходки московских акционистов в начале 90-х шокировали постсоветское пространство. Обывателю навсегда врезался в память один из них – Олег Кулик, представший в образе «человека-собаки».

Другой акционист, Анатолий Осмоловский, сейчас широко известен только в узком кругу. Хотя все чаще напоминает о себе украинской публике. В 2006-м году он участвовал в выставке современных российских художников «21 РОССИЯ» в ПинчукАртЦентре. Тогда в Киев он привез проект «Изделия» - отлитые в бронзе башни танков. Сдержанность формы и смысловая наполненность – это уже не тот художник, что устраивал акции протеста в 90-х.

Последние годы Осмоловский серьезно занимается теорией искусства, состоит в переписке с ведущими западными исследователями, переводит на русский язык последние теоретические разработки. Отойдя от идей эпатажного политического акционизма, Осмоловский переосмыслил свою позицию как художника и занялся практиками, лишенными зрелищности и изобразительности.

Ряд тезисов Осмоловского, вероятно, для неподготовленной части киевской публики, собравшейся послушать художника, стал откровением.

Те, кто живет перформансами и «ивентами», с удивлением могли обнаружить, что их искусство далеко от актуальности. Об этом довольно категорично заявил Осмоловский. В том числе, назвав и свою деятельность в 90-е тупиковым путем.

Другой части слушателей, к современному искусству вряд ли причастной, могли не понравиться его резкие оценки в адрес художников Шилова, Глазунова, Сафронова, активно раскупаемых украинскими и российскими псевдо-коллекционерами.

"Левому берегу" удалось пообщаться с Анатолием Осмоловским после лекций, которые он прочел в Киеве 12-13 февраля по приглашению "Культурного проекта".

Анатолий Осмоловский «Изделия». ПинчукАртЦентр, "21 РОССИЯ" январь-март 2009. Фото: pinchukartcentre.org

Современное искусство становится все более зрелищным, художники превращаются в медийных персонажей, поп-идолов. Сохранится ли эта тенденция в дальнейшем?

Честно говоря, я никакого увеличения зрелищности не вижу. Самой важной частью изобразительного искусства являются визуальные образы. По-моему, трудно говорить, кто победит в споре за зрелищность - «Акула» Дэмиена Хёрста или какое-нибудь маньеристское произведение 17-го века.

Что касается медийных персонажей и поп-идолов, то вы не в курсе, что в североамериканском искусстве было в 80-х годах? Шнабель и Кунс – были поп-идолами уже тогда. А Пикассо? А Энди Уорхол?

Но этот факт ничего не говорит об искусстве этих художников - ничего плохого и ничего хорошего.

Если художник становится поп-идолом без компромиссов с обществом, то его популярность может играть позитивную роль. Если же ради завоевания популярности снизил свой уровень, то он проиграл.

Подобный печальный сценарий можно подозревать у Хёрста, но пока не утверждать, а только подозревать.

А насколько массовая культура может повлиять на качество работы художника?

Массовая культура высоким искусством может быть переработана только критически. Т.е. мы анализируем массовую культуру не потому, что там скрыты какие-то неведомые глубины или радикальные повороты мысли, а для того чтобы самим не заразиться ее пошлостью и тривиальностью.

Эта работа так сказать в «перчатках» и «противогазе». Из позитивных аспектов массовой культуры можно, наверное, отметить ее удаль и веселье.

Они живут в альтернативной массовой культуре в виде разнообразных субкультур.

Но ориентацию на ценности высокого искусства тоже нельзя превращать в догму – слишком большая серьезность может обернуться своей противоположностью: пошлой многозначительностью, выпендренностью, назидательностью.

Так что панк, черный юмор и трэш-культура в определенных дозах даже необходимы. Но, в этом вопросе главное: инъекции осмотрительности!

Как вы относитесь к понятию «нового левого искусства»? Насколько состоятельным и значимым может быть политически критическое искусство?

С подобным понятием я не знаком. Представителей этого искусства не знаю. На мой взгляд в искусстве очень важно КАК оно сделано – это центральный вопрос, а его идеологическая или политическая сторона не существенна. Если искусство состоялось как искусство, то автоматически оно становится прогрессивным и критикует самим фактом своего существования наличную социальность. Часто эту критику и не надо дополнительно расшифровывать - она без расшифровки сильнее действует.

Вы долгое время занимались политическим акционизмом, в частности, в рамках проекта «Против всех!». Как вы оцениваете эффективность подобных движений, и чем собственно они отличаются от деятельности чисто политических организаций?

Политические организации стремятся к прямо противоположным целям, чем артистические движения. Политика решает вопросы эффективности, массовости, необратимости, доступности, всеохватности. Все это можно обобщить в одном слове - власть.

Артистические движения заинтересованы в эффектности, единичности, уникальности, эвристичности, необязательности, обратимости.

Если артистическое движение будет достаточно бескомпромиссно и последовательно идти по своему пути и войдет в конфликт с реальной политической силой, то оно будет либо уничтожено, либо будет вынуждено превратиться в движение политическое. Поэтому в конце этого пути есть только тупик. Художникам надо идти другим путем.

Фото: Культурный проект

В своей лекции, отвечая на вопросы зала, вы довольно негативно высказались о политическом акционизме, перформансе, в частности о деятельности группы «Война», назвав этот путь тупиковым для художника. В Украине вы известны в первую очередь как радикальный политический художник, что заставило вас разочароваться в подобных практиках, собственно, что стало для вас переломным моментом?

Переломным моментом для меня стало последовательное развитие и реализация проекта «Голосуй: Против всех». Активисты этой кампании вошли в противостояние с реальными политическими силами. И перед нами встал как раз тот вопрос: или мы

начинаем сопротивление и превращаемся в политическую силу, или мы выбираем более изощренные способы критики. Так мы отошли от политического протеста, и перешли к социальной критике, возникло т. н. «нонспектаклярное искусство» (2000-2003 гг.).

В связи с развитием технологий, появляется все больше художников, которые занимаются искусством на грани науки и технологий, т. е. медиа-артом. Вы говорите о том, что такие практики нельзя причислять к искусству. Почему? Относите ли вы к такому «не-искусству» и видео-арт, в котором работает в том числе и Дмитрий Гутов?

Я уже неоднократно говорил, что технологии быстро устаревают. Попробуйте посмотреть кинематограф какого-нибудь 1930 года. Это невероятно мучительное переживание. Даже если в этих мелькающих черно-белых кадрах видна мысль и чувство (а может и благодаря этому), все равно они вряд ли могут быть доступны как целостное явление. С т. н. «новыми технологиями» ситуация еще более удручающая – они постоянно меняются, что не позволяет им быть серьезной основой для выработки какой-то более-менее стабильной структуры, как это с огромным трудом, но все-таки происходит в кинематографе. Относительно видео-работ Дмитрия Гутова и абсолютного большинства видео-работ, я к ним отношусь как к эскизам или, в лучшем случае, как к графическим скетчам. Такие эскизы бывают удачны (например, видео Д.Гутова «Оттепель»), но часто это просто рабочие материалы, которые выносить в публичное пространство просто позорно. В тоже время в видео искусстве, конечно, есть свои выдающиеся произведения. Например, в России это Виктор Алимпиев. Но я бы назвал его видео-работы современным видом скульптуры. Впрочем, это, конечно, спор о терминах.

Хотя арт-рынок России более развит, чем в Украине, их проблемы схожи. Например, отсутствие даже у небольшого числа состоятельных коллекционеров художественного вкуса. Что должны делать культурные институции, художники, галереи, чтобы воспитать свою целевую аудиторию?

Лучший способ кого-либо воспитать - это самим досконально разобраться. Потому лучше всю энергию направлять на собственное воспитание. А остальные подтянутся.

Некоммерческого искусства в капиталистической системе обмена не бывает. Всё вступает в обменные процессы. Этот факт говорит об искусстве не больше того, что оно является предметом обмена.

И в России, и в Украине арт-рынок и любого вида институции находятся в зародышевом состоянии. Вряд ли они способны воспитывать – им бы себя осознать. По-моему, они пребывают в каком-то фатальном самодовольстве. Раздаются премии, публикуются рейтинги, идет бешеная самореклама, не подтвержденная и толикой осмысленности... Так что проблем не початый край.